

УДК 341.231.14:342.731

Н. А. Зелинская

**СВОБОДА СОВЕСТИ И СОВЕСТЬ СВОБОДЫ:
К ВОПРОСУ О ДИФФАМАЦИИ РЕЛИГИЙ
И ЗАЩИТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ**

«5 декабря 1931 г. в центре Москвы несколько раз прогремел жуткий гром. Ровно в 12 часов дня раздался первый взрыв: рухнул один из пилонов, на которых держался большой купол здания. Через полчаса другим взрывом был обрушен второй пилон, а еще через четверть часа и остальные. Последующими взрывами были обрушены внутренние стены и часть наружных» — писала газета «Вечерняя Москва» 6 декабря 1931 г. Прошло свыше 80 лет с момента разрушения храма Христа Спасителя, но отзвуки этих взрывов доносятся до нас и поныне.

Это был один из знаковых эпизодов непрекращающегося процесса «обезбоживания», происходившего на пространствах бывшего Советского Союза до 90-х годов прошлого столетия. Официально этот процесс был начат принятием Советом Народных Комиссаров РСФСР от 23 января 1918 г. декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В декрете провозглашалось: «1. Церковь отделяется от государства. 2. В пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан. 3. Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой...». В антирелигиозной пропагандистской литературе мероприятия советской власти получили восторженную оценку. Так, в своей статье о «Пролетарской и буржуазной совести» П. Красиков утверждал, что «широкие массы народа давно привыкли видеть в этой правящей клике монахов, священников и князей церкви постоянных и верных сотрудников ненавистного самодержавия и всех эксплуататоров» [1]. Декрет 20 января 1918 г. долго рассматривался как наиболее «демократичное воплощение свободы совести», став важ-

нейшей государственно-правовой гарантией свободы религиозных исповеданий и свободы атеизма [2] и заложив основы «краха церковной контрреволюции» [3].

Аналогичный (за некоторыми изъятиями) декрет был издан 22 января 1919 г. правительством Советской Украины. Так, на пространстве бывшей Российской империи была провозглашена «свобода совести». Практическая реализация этого благородного лозунга происходила методами, несовместимыми ни со свободой, ни с совестью.

«Революционная секуляризация» заключалась не только и не столько в отделении церкви от государства, сколько в физическом искоренении религии из жизни общества. «Репрессии, преследования, нарушения прав человека в отношении верующих всех конфессий, приверженцев самых различных Церквей стали неотъемлемой частью советской истории, которая началась на следующий день после революции и продолжалась до конца 80-х годов. Тем не менее эта постоянная величина не была одинаковой по степени интенсивности и по своим проявлениям в разные периоды советской власти. В первые двадцать лет после революции (во время военного коммунизма нэпа, полного захвата власти Сталиным после смерти Ленина, в период коллективизации и раскулачивания и, наконец, в годы террора и великих «сталинских чисток») предпринимались попытки полного физического уничтожения Церкви: учинялись расстрелы и депортация иерархии, конфискация церковного имущества и разрушение церквей, принудительная экспатриация верующей интеллигенции», — отмечает Дж. Гуайта [4].

Жесточайшие гонения, выразившиеся во внесудебных казнях и уголовных репрессиях в отношении священнослужителей, закрытии монастырей, разрушении и осквернении храмов, глумлении над святынями всех религий и религиозными чувствами верующих, преследовали одну цель — полного уничтожения религиозного мировоззрения и даже памяти о нем. Ф. Дзержинский писал: «Тов. Лацис глубоко прав, когда говорит, что Коммунизм и Религия взаимно исключаются, а также глубоко прав и в том, что религию не сможет разрушить никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК» [5, с. 146].

Репрессивные меры сочетались с «воспитательными». Советское руководство уделяло большое внимание антирелигиозной агитационно-пропагандистской работе, ставя перед собой цель «полного обезбоживания страны». В 1924 г. в Москве было образовано «Общество друзей газеты «Безбожник», преобразованное впоследствии в «Союз безбожников», затем — в «Союз воинствующих безбожников», работники которого приравнивались по статусу к государственным служащим. Члены этого «Союза» снимали церковные колокола, срывали кресты, устраивали антирелигиозные карнавалы, сжигали иконы и священные книги. Осенью 1929 г. большевики объявили о начале первой безбожной пятилетки, преследовавшей цель «ликвидации всех остатков религиозного быта» [6].

Воплощение задуманного потребовало чудовищно жестоких мер, направленных на подрыв духовных основ жизни народа, на создание «нового человека», новой философии, нового мышления. Гонения на Церковь, духовенство, на мирян, не отрехшихся от Бога, осуществлялись под предлогом борьбы с контрреволюцией. Лицам, преследуемым за веру, предъявлялось обвинение в контрреволюционной деятельности [7]. Разделив судьбу своего народа, приняли смерть тысячи мучеников за веру. Вспомним жертв «Бутовского полигона» — одного из крупнейших мест массовых расстрелов и захоронений жертв сталинских репрессий. «Сегодня известны имена 20 760 человек, здесь убиенных. Эти люди были расстреляны в течение короткого периода времени — с августа 1937 г. по октябрь 1938, а полигон «функционировал» с 34 по 53 год... Те, о ком мы знаем — мужчины и женщины в возрасте от 14 до 82 лет, представители 73 национальностей, всех вероисповеданий, всех сословий... Около 1000 человек, из числа погребенных в Бутово, пострадали как исповедники Православной Веры, более трехсот сегодня прославлены в лике святых» [8].

По данным правительственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, в 1937 г. было арестовано 136 900 православных священнослужителей, из них расстреляно — 85 300; в 1938 г. арестовано 28 300, расстреляно — 21 500; в 1939 г. арестовано 1500, расстреляно — 900; в 1940 г. арестовано 5100, расстреляно — 1100; в 1941 г. арестовано 4000, расстреляно — 1900 [9, с. 94–95].

Как известно, 25 февраля 1956 г., в последний день работы XX съезда КПСС, на закрытом заседании был заслушан доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» [10]. Об антирелигиозном терроре в нем не говорилось. После XX съезда политические репрессии сократились и видоизменились, но не прекратились. Их главным направлением стала борьба с инакомыслием — «антисоветскими взглядами» [11, с. 59]. Едва ли не главную опасность инакомыслия власть видела в религиозных убеждениях.

Политическая программа Н. С. Хрущева включала в себя борьбу за «преодоление религиозных пережитков капитализма» в сознании советских людей [12]. В период «хрущевской оттепели» нападки на религию, имевшие целью полное уничтожение религиозной свободы, не только не ослабли, но и усилились. 7 июля 1954 г. было принято Постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» [13], которое явилось стимулом для развязывания в стране масштабной атеистической пропагандистской кампании, сопровождавшейся массовым закрытием храмов, оскорблениями религиозных чувств народа в атеистических публикациях и выступлениях. Выполняя задачи научно-атеистической пропаганды, состоящей «в воспитании трудящихся, в том числе и верующих, в духе атеизма», ЦК КПСС на своем совещании в сентябре 1960 г. принял решение резко ужесточить борьбу с «религиозными пережитками». С 1961 г. борьба

с религией ставилась лидерами государства в центр своих задач. На июньском пленуме ЦК КПСС 1963 г. было прямо заявлено о том, что религия является главным и даже единственным легально существующим в стране идеологическим врагом марксизма. «Нельзя благодушеествовать и рассчитывать, что религия как антинаучная идеология отомрет сама по себе, без усилий, без борьбы с ней». Пленум ЦК ВЛКСМ обязал «комсомольские организации вести неустанную борьбу с носителями религиозного дурмана, вырвать из-под их влияния наших юношей и девушек» [14].

В конце 1963 г. Идеологическая комиссия ЦК по указанию Хрущева приняла развернутый план антирелигиозной борьбы под названием «Мероприятия по укреплению атеистического воспитания населения». Государство брало под свой контроль учет крещений, венчаний и погребений для информирования партийных органов, «работу с отдельными верующими и с детьми и подростками, любыми способами пытаюсь прекратить посещение церкви детьми». К 1964 г. осталось всего 18 монастырей. Особенно тяжелым ударом явилось закрытие в 1963 г. древней святыни Руси — Киево-Печерской лавры — под предлогом ремонта и реставрации. Ее храмы и пещеры оказались в угрожающем состоянии как раз после прекращения в них богослужений и ухода из монастыря монахов. Предпринималась попытка закрыть и Почаевскую лавру [14].

Религиозное мышление воспринималось как одна из опаснейших форм «инакомыслия». Именно в среде верующих людей и в их душах сохранялась та «свобода совести», которая представлялась особенно опасной советскому режиму. Вплоть до конца 1980-х годов посещения храмов и участие в богослужениях для многих граждан СССР могли повлечь если не уголовные, то дисциплинарные репрессии.

Ныне храм Христа Спасителя восстановлен и являет собой символ возрождения религиозной свободы. Миллионы верующих в странах, расположенных на пространствах бывшего СССР, без опасения быть подвергнутыми преследованиям, реализуют свое право на свободу совести.

Искренне уважая убеждения людей, не придерживающихся религиозных взглядов, и безусловно признавая их право на свободу слова, не могу не заметить с глубоким сожалением, что, как это ни парадоксально, и сегодня, вопреки памяти о жертвах радикального атеизма, некоторые «воинствующие безбожники» не отказались от своей воинственной риторики, грозящей перейти в практику. Представляясь оппонентами власти и, совмещая, зачастую, демократические лозунги с высокомерным пренебрежением к «погрязшему в религиозной тьме демосу», они патетически провозглашают себя интеллектуальной элитой — новыми борцами за идеалы «свободы совести», которая вся чаще в их интерпретации выступает в виде свободы от совести.

Преподнесенный историей горький урок, свидетельствующий о том, что свобода без совести, без уважения к чувствам и убеждениям миллионов людей, превращается в свою полную противоположность —

жесточайшую диктатуру, не усвоен последователями коммунистического научного атеизма.

В течение последних двух столетий теоретики секуляризации говорили о неизбежности утраты роли религии. «Крушение традиционной религиозной веры, горько оплакиваемое защитниками церкви и радостно встреченное теми, кто видит в старых убеждениях одни лишь предрассудки, — факт, не подлежащий сомнению, — писал в 1912 г. Б. Рассел [15].

С середины прошлого века многие западные ученые признавали атеизм главной тенденцией в мировой политике, связанной с распространением демократии. Однако многие процессы, происходящие в современном мире, свидетельствуют о том, что влияние религии усиливается. Сегодня многие исследователи пишут о всплеске интереса к религии и ее возрождению [16]. Свидетельства возвращения религии наблюдаются повсюду, включая традиционно светскую Европу. Религия возвращается в политику, оказывая существенное влияние на государства и международные отношения [17].

«Особенностью современного мира является то, что секуляризация более не воспринимается как непреложная закономерность развития современного общества, результатом действия которой должно стать доминирование безрелигиозного, то есть «секулярного» человека. «Постсекулярность» и «десекуляризация» становятся чертами новой реальности» [18].

Эти процессы отметили и такие знаковые представители западной политической философии, как Ф. Фукуяма и С. Хангтингтон. Ф. Фукуяма высказывает уверенность в том, что «люди вернуться к религиозной традиции» [19, с. 478].

С. Хангтингтон утверждает: «В первой половине двадцатого века представители интеллектуальной элиты, как правило, полагали, что экономическая и социальная модернизация ведет к ослаблению роли религии как существенной составляющей человеческого бытия. Это предположение разделялось как теми, кто его с радостью принимал, так и теми, кто сокрушался по поводу этой тенденции... Вторая половина двадцатого столетия показала, что эти надежды и опасения беспочвенны. Экономическая и социальная модернизация приобрела глобальный размах, и в то же время произошло глобальное возрождение религии» [20, с. 139–140].

А. Кырлежев в своем выступлении на семинаре «Эволюция моральных принципов и прав человека в поликультурном обществе», проведенном Советом Европы 30 октября 2006 г., подчеркнул, что активизация религий проявляется, в частности, в их все возрастающем участии в общественной жизни. В том числе — и в политике. Носители и выразители религиозного сознания все чаще становятся участниками публичной дискуссии и политического процесса, что не было характерно для еще совсем недавнего прошлого. «Было бы ошибкой считать, что ны-

нешняя активизация традиционных и нетрадиционных религий есть просто движение вспять, проявление архаики. Если, с точки зрения определенного мировоззрения, это и архаика, то *новая* архаика. То есть результат исторического процесса, реальность новой культурной эпохи, которую некоторые называют «постсовременной» («постмодерной»). В культурное (в том числе политическое) пространство «европейского» социума, расширившегося до глобального масштаба, возвращаются религиозные традиции. Вопреки вере некоторых в силу и окончательность секуляризации в течение всего «секулярного» периода эти традиции продолжали жить — как в «подполье» приватной религиозности, так и в зонах предполагаемой вестернизации. Сегодня они выходят на свет, вынося с собой богосознание, целостное мировоззрение и императивы религиозной жизни» [21].

«Вопрос о совести стал сегодня центральным вопросом морали и ее познания; в особенности это относится к католическому моральному богословию, — пишет в своей книге «Ценности в эпоху перемен. О ответственности вызовам времени» Папа Римский Бенедикт XVI (Й. Ратцингер) [22, с. 104]. Международная теологическая комиссия, ссылаясь на Всеобщую декларацию прав человека и Международный пакт 1966 г., в документе «Достоинство и права человека» от 31 декабря 1983 г. подчеркивает важнейшее значение свободы религии для уважения достоинства человека и определяет ее как основу всех других прав. В своей Декларации «Дигнитатис Гуманэ» от 7 декабря 1965 г. Второй Ватиканский собор определил предмет и основу свободы религии следующим образом: «Эта свобода заключается в том, что все люди должны быть свободны от любого принуждения со стороны отдельных лиц, групп лиц и любой власти, с тем чтобы в религиозной сфере никого не заставляли действовать вопреки его совести, никому не мешали предпринимать в разумных рамках действия, диктуемые его совестью, как в частной и общественной жизни, так и индивидуально и совместно с другими». Ватикан подчеркнул обязательство государств обеспечивать отдельным лицам и группам лиц личные и коллективные свободы, обусловленные общим правом на свободу вероисповедания. Кроме того, отмечалось, что обеспечиваемые государством юридические гарантии свободы каждого человека и каждой группы лиц проповедовать свои религиозные убеждения служат критерием уважения обществом других основных прав [23].

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на заседании Высшего церковного Совета 12 октября 2012 г. в храме Христа Спасителя в своем вступительном слове подчеркнул, что в Православии «свобода слова и творчества — это важные ценности, они, как и свобода вообще, неотъемлемы от образа Божия в природе человека». Вместе с тем Святейший Владыка призвал «и общество в целом, и религиозные общины ... искать золотую середину между произволом и принудительным ограничением свободы» [24].

В условиях возрастания роли религии в жизни общества особую опасность приобретают проявления неуважения к религиозным воззрениям и чувствам верующих, граничащие с унижением их достоинства. Ни право на свободу слова, ни право на свободу совести не могут служить объяснением заведомо оскорбительного отношения к людям, исповедующим ту или иную религию.

Представитель Московского Патриархата в Совете Европы игумен Филипп (Рябых) справедливо отмечает: «Нарастает очень тревожная тенденция вмешательства в мир верующих людей. Я говорю не просто о спорах или несогласии с религией. В последние годы верующие сталкиваются с вторжением в пространство собственной индивидуальной свободы. Также в последнее время складываются такие механизмы информационного освещения религиозной жизни, которые целенаправленно создают негативный образ религиозных общин и оскорбляют достоинство верующих людей. С большой скоростью тиражируются слухи, клевета, ложь и нападки на священнослужителей, а также распространяются насмешки над религиозными верованиями и святынями....В нормальном демократическом обществе дискуссии и даже споры проводятся с учетом уважения достоинства оппонента и его свободы. Но разве можно назвать демократической дискуссией или критикой оскорбление верующих, осквернение их святынь, провокационные и недозволенные действия в храмах или на кладбищах?» [21].

«Эволюция концепции прав человека исторически была параллельной процессу секуляризации публичного пространства и культуры в целом. Все началось с утверждения религиозной свободы по принципу *cujus regio, ejus religio* («чья власть, того и вера»), но сегодня все чаще можно слышать другую максиму (хотя она и представляет собой крайность): «там, где начинается религиозная свобода, кончаются права человека», подчеркивает А. Кыржалев, при этом имеется в виду, что религия не должна выходить из частного пространства, не должна переставать быть *Privatsache*, «частным делом» суверенного индивида, свобода которого не должна посягать на равную свободу других» [25].

Как правило, дискуссия о правовой допустимости в демократическом обществе, оскорбления религиозных чувств верующих подменяется обсуждением возможности или невозможности наказания за «богохульство» в светском государстве. Однако объектом посягательства со стороны лиц, осуществляющих публичные богохульные действия, и, соответственно, объектом правовой охраны являются не религиозные убеждения, а верующие граждане, чьи религиозные чувства оскорбляются и чье человеческое достоинство унижается указанными публичными богохульными действиями. В этом смысле действия государства, направленные на пресечение публичных богохульных акций, имеют юридическое обоснование [26].

16 декабря 2010 г. президиум Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви постановил принять в первом чтении проект

документа «Отношение Русской Православной Церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в отношении Церкви». В проекте сформулировано понятие богохульства и клеветы в православной традиции. В нем, частности, говорится: «В церковной традиции под богохульством (греч. βλασφημία, blasphemia) понимается оскорбительное или непочтительное действие, слово или намерение в отношении Бога или святыни. О грехе богохульства упоминается в книгах Ветхого Завета. О нем многократно говорится и в Новом Завете (напр. Мк. 7, 21-23; Ин. 10, 33; Откр. 13, 1). Святой апостол Павел говорит о богохульщиках как о потерпевших кораблекрушение в вере (1 Тим. 1, 19), понимая под богохульством не только оскорбление Бога или Его Святого имени, но и всякое отпадение от веры. Будучи выражением стремления оскорбить или подвергнуть поруганию Творца, богохульство является одним из самых тяжких нравственных преступлений и по сути своей есть грех хулы на Духа Святого, по слову Христа Спасителя, не прощаемый «ни в сем веке, ни в будущем» (Мф. 12, 32)» [26].

В международно-правовом контексте проблема защиты прав верующих нашла отражение в дискуссии относительно концепции борьбы с «диффамацией религий». В течение 1999–2011 годов Комиссией, а затем Советом по правам человека Организации Объединенных Наций, а также Генеральной Ассамблеей был принят ряд резолюций «О борьбе с диффамацией религий» [27]. Термин «диффамации религий» используется в этих резолюциях не в строго юридическом смысле, а для условного обозначения стигматизации, издевательств, оскорблений на почве религии, нападения, и связывается с необходимостью бороться против насилия, дискриминации, запугивания, принуждения и других подобных явлений. В резолюциях к государствам обращен призыв принять меры для «запрета распространения и ксенофобных идей и материалов, направленных против любой религии и ее последователей», а также обеспечить «адекватную защиту от актов ненависти, дискриминации, запугивания и принуждения в результате диффамации какой-либо религии». Понятие диффамации, которое существует в правовых системах многих стран, введено для защиты авторитета и репутации отдельных лиц. В своем общем правовом смысле оно означает недостоверное высказывание (устное или письменное), которое распространяется через различные средства коммуникации (печатные, аудиовизуальные, электронные) и направлено на то, чтобы причинить ущерб репутации такого лица. В некоторых странах существуют законы о богохульстве, в других — приняты законы о диффамации религий, которые распространяют концепцию диффамации на защиту религий и в этом смысле рассматривают преследование за диффамацию религий в качестве составной части защиты свободы религии или вероисповедания [28].

Более 100 организаций выступили с протестом против резолюций ООН о «диффамации религий», которые, по их мнению, могут принести больше вреда, чем пользы в сфере религиозной свободы. В частности,

такие организации, как «ARTICLE 19» и CIHRS, заявили, что резолюции не коснулись таких серьёзных проблем, как дискриминация и нетерпимость, поскольку вместо этого они были полностью посвящены ограничению критики религии. Кроме этого, сам текст резолюций оставляет место для различных толкований, что может привести к открытым злоупотреблениям и оправданию цензуры.

В Докладе Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека об осуществлении резолюции 10/22 Совета по правам человека («Борьба против диффамации религий») содержится информация, поступившая от государств, региональных организаций и Организации Объединенных Наций, по различным элементам, отраженным в резолюции Совета 10/22 о борьбе против диффамации религий. В нем отражены позиции государств, поддерживающих концепцию диффамации религий и отвергающих ее. В частности, в докладе говорится, что в Швейцарии отвергается концепция диффамации религий и отмечается, что права человека должны только лишь защищать индивида и что действующие стандарты в достаточной степени охватывают вопросы подстрекательства к ненависти [29, para. 41]. Соединенные Штаты Америки в своем докладе утверждают, что концепция диффамации религии несовместима с международным правом прав человека и несет в себе опасность возможного злоупотребления ею правительствами в целях ограничения прав человека. Разделяя озабоченности в отношении формирования негативных стереотипов религиозных групп, в особенности групп меньшинств, и использования подобных стереотипов в целях пропаганды неуважения и дискриминации, США выразили мнение, что установление ограничений на свободу слова является неприемлемым и к тому же неадекватно воспроизводящим подлинные озабоченности [29, para. 41].

Существенной проблемой в правовой оценке рассматриваемых резолюций является используемая в них терминология: защита религий как предмет озабоченности международного сообщества. Некоторые исследователи полагают, что борьба с диффамацией религий *sensu stricto* не является проблемой прав человека. Право прав человека не интересуется религией: оно не касается ни религиозных доктрин, ни их репутации. Можно сказать, что право прав человека косвенно затрагивает проблематику диффамации религий в той степени, в которой диффамация «может привести к социальной дисгармонии» [30, p. 215]. Однако существуют различные типы и уровни (или степени) диффамации, которые должны быть приняты во внимание.

Оскорбление чувств верующих рассматривается как «слишком субъективный критерий» для определения оснований ограничения основных прав человека, к каковым относится право на свободу слова — то есть право на выражение своего мнения. Возникает сложная проблема — необходимо идентифицировать нейтральные и объективные индикаторы, на основе которых можно оценить, оправдано ли государственное вмешательство [31, p. 215].

Бывший Специальный докладчик по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости Д. Дьен, глубоко изучивший проблему диффамации религией, в своем последнем докладе «О проявлениях диффамации религий и в особенности о серьезных последствиях исламофобии для осуществления всех прав», представленном Совету по правам человека в сентябре 2008 г., изложил свой взгляд на причины неприятия концепции «диффамации религий» некоторыми политическими, правозащитными и научными кругами и обострение идеологической дискуссии по этому вопросу. Международная идеологическая поляризация находит свое конкретное выражение, по мнению Д. Дьена, в иерархизированной и политизированной интерпретации прав человека и основных свобод, в рамках которой Специальный докладчик отметил не только идеологическое преобладание свободы выражения мнений над другими основными свободами, провозглашенными в Международном пакте о гражданских и политических правах, но также и игнорирование или отказ от признания ограничений, четко определенных в международных договорах. Специальный докладчик подчеркнул, что политическая и идеологическая поляризация в отношении концепции диффамации религий является искусственной [32, paras. 12–13].

Д. Дьен пронизательно заметил, что в Европе христианофобия, как и исламофобия, связана с культурным воздействием догматической секуляризации, стимулирующей подозрительное отношение к религиозному феномену, которое оправдывается необходимостью защиты исторического завоевания — отделения церкви от государства. Эта тревожная тенденция спровоцировала появление в интеллектуальных и масс-медийных кругах агрессивной антирелигиозной культуры и стимулировала нарастание нетерпимости по отношению к любой религиозной практике, форме или символике. Такая нетерпимость, по словам Д. Дьена, выражается даже в отрицании демократического права граждан ссылаться на свои убеждения и духовные или религиозные ценности при высказывании своих политических взглядов либо перед лицом серьезных проблем и кризисных ситуаций в их обществах. Таким образом, христианофобия отражает дисбаланс между законной защитой светскости и уважением свободы религии. Идеологи и теоретики конфликта цивилизаций и религий пользуются отсутствием солидарности между жертвами исламофобии, антисемитизма, христианофобии и других форм диффамации религий и дискриминации и извлекают из этого очевидную выгоду [32, para. 35].

Обращая внимание на то, что анализ международных, региональных и национальных актов о правах человека указывает на почти повсеместное наличие положений, запрещающих подстрекательство к национальной, расовой или религиозной ненависти, Д. Дьен, вероятно, в качестве компромисса, рекомендовал Совету по правам человека содействовать переориентированию обсуждения с социологической концеп-

ции диффамации религий на правовую концепцию подстрекательств к национальной, расовой или религиозной ненависти, что означает не только перенос акцента на права человека, но и представляет собой стратегический курс на деполяризацию и деполитизацию этого обсуждения [32, paras. 12–13]. Подчеркнув необходимость проявлять бдительность для сохранения равновесия между защитой светских принципов и уважением свободы религии, Д. Дьен указал на то, что правительствам следует уделять особое внимание вопросам обеспечения и защиты мест отправления культа и культурных объектов всех религий и содействовать свободному выражению религиозных и духовных убеждений [32, para. 67].

В октябре 2008 г. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека провело семинар экспертов, основная цель которого, как было заявлено Верховным комиссаром в ее докладе о семинаре, заключалась в «рассмотрении правозащитных проблем, скрывающихся за понятием «диффамация религий» [33]. В целом, на семинаре экспертов был подтвержден подход, согласно которому признавался предпочтительным переход от социологического понятия диффамации к правовой концепции подстрекательства к расовой или религиозной ненависти.

Аналогичной позиции придерживается Г. Муйгаи, сменивший Д. Дьена на посту Специального докладчика по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости (2009). В своем докладе «О проявлениях диффамации религий, и в особенности о серьезных последствиях исламофобии для осуществления всех прав верующими» Г. Муйгаи излагает, в числе прочего, результаты рассмотрения вопроса о «свободе выражения мнений и подстрекательстве к расовой и религиозной ненависти» совместно со Специальным докладчиком по вопросу о религии или убеждениях и Специальным докладчиком по вопросу о защите и поощрении права на свободу мнений. Специальные докладчики заявили, что «абстрактное представление «диффамации религий» как конфликта между правом на свободу религии или убеждений и правом на свободу мнений и их свободного выражения является «концептуально неточным» и предложили провести четкое разграничение между тремя следующими типами высказываний: а) высказывания, представляющие собой правонарушение в соответствии с международным правом; б) высказывания, которые не являются уголовно наказуемыми, но могут служить основанием для возбуждения гражданского иска; и с) высказывания, которые не влекут применения уголовных или гражданских санкций, но которые, тем не менее, вызывают обеспокоенность с точки зрения терпимости, корректности и уважения религий или убеждений других. При этом они особо подчеркнули необходимость учета свободы выражения мнений и потребностей плюралистического, терпимого, широко мыслящего и демократического общества во всех рассматриваемых случаях. Специальные док-

ладчики приветствовали намечающийся сдвиг в сторону концепции «подстрекательства к расовой или религиозной ненависти». По их мнению, существуют трудности с поиском объективного определения термина «диффамация религий» на международном уровне, что приводит к подверженности всей концепции различным злоупотреблениям [34].

11–29 июля 2011 г. Комитет по правам человека на своей 102-й сессии принял чрезвычайно важный и давно ожидаемый документ «Замечание общего порядка № 34. Статья 19: Свобода мнений и их выражения» (далее — «Замечания») [35]. Признавая значимость этого документа для развития международного права прав человека, следует, на наш взгляд, обратить внимание на п. 48 Замечаний, который может вызвать неоднозначную интерпретацию. Трудно согласиться с содержащимся в нем исходным положением, которое объявляет несовместимым с Международным пактом о гражданских и политических правах (за исключением отдельных случаев, предусмотренных в п. 2 ст. 20), запреты на разные формы неуважения к какой-либо религии или другим системам убеждений. Действительно, «нельзя допускать, чтобы такие запреты препятствовали критике религиозных лидеров и высказыванию замечаний по поводу религиозных доктрин и догматов веры или устанавливали за это наказание», однако признание не соответствующими Пакту каких бы то ни было запретов на проявление «неуважения к какой-либо религии или другим системам убеждений» означает, по существу, одобрение и полную безнаказанность неуважительного отношения к религии, даже глубоко оскорбительного для верующих, если оно приводит к последствиям, предусмотренным в п. 2 ст. 20 Пакта.

Любое проявление неуважения — есть унижение человеческого достоинства. Можно ли заранее предусмотреть все возможные последствия проявления неуважения к религии, и от кого зависит, «зажжется» ли ненависть от такой «игры с огнем»? Можно ли поощрять проявление неуважения к кому бы то ни было? Анализ п. 48 Замечаний позволяет сделать вывод, что, согласно мнению Комитета по правам человека, государство вправе устанавливать запрет на совершение деяний, оскорбляющих чувства верующих, только в том случае, если возможны негативные последствия для общества — разжигание розни, но не потому, что такие деяния нарушают или могут нарушить права многих людей. Если мотив установления запрета состоит только в том, чтобы не разжигать ненависть, направленную против оскорбляющих, — это защита оскорбителей, но не оскорбленных. Означает ли это, что любые глумления над верой допустимы, если верующие люди не испытывают или не проявляют ненависти, как было во времена антирелигиозных гонений в СССР?

Более ста лет тому назад Н. Бердяев писал: «Вопрос о свободе религиозной, о свободе совести, такой жгучий и больной вопрос, ставится коренным образом ложно в современном мире. Свободу совести защищает безрелигиозный, холодный к вере мир как формальное право...».

И далее: «Спор ведется в плоскости, в которой исчезает религиозная проблема свободы и остается лишь политическое озлобление. Религиозная проблема потонула в политике, в формализме, во внешнем и принудительном» [36].

Сегодня эти слова приобрели особую актуальность. Обратимся к «Основам учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», в которых сказано: «Христианин ставит свою веру в Бога и свое общение с Ним выше собственной земной жизни... Никакими ссылками на свободу слова и творчества нельзя оправдать надругательство в публичной сфере над предметами, символами или понятиями, которые почитаются верующими людьми... Разработку и применение концепции прав человека необходимо согласовывать с нормами морали, с нравственным началом, заложенным Богом в природу человека и опознаваемым в голосе совести... С точки зрения Православной Церкви, политико-правовой институт прав человека может служить благим целям защиты человеческого достоинства и содействовать духовно-нравственному развитию личности. Для этого реализация прав человека не должна вступать в противоречие с богоустановленными нравственными нормами и основанной на них традиционной моралью» [37].

«Достоинство человека предполагает уважение к его святыням, к памяти родных и близких, к истории его народа. Православный человек не будет глумиться над символами иных религий не потому, что они святы для него, а потому, что это оскорбительно для человека, придерживающегося таких убеждений» — так сформулировал связь между достоинством человека и его религиозной свободой Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл [38].

Понятие «религиозная свобода» ввел в начале прошлого века С. В. Познышев. Он определил ее как такое состояние жизни народа, при котором проявление религиозного мирозерцания каждого в полной мере пользуется независимостью от какого-либо стесняющего его принуждения, пока оно не выходит за... естественные границы». Познышев различал свободу совести и свободу вероисповедания, которая, по его мнению, должна включать в себя и свободу совести, и свободу пропаганды религии, и свободу отправления культа, которые входят в религиозную свободу и имеют «естественные границы» [39, с. 117; цит по: 40, с. 57, 59]. Академик П. М. Рабинович полагает, что «свобода вероисповедания — это не есть свобода выбора только религиозной веры или же выбора между верой и безверием. Такая свобода есть не что иное, как возможность свободного выбора объекта веры» [41; 42].

Понятие защиты религиозных чувств вполне совместимо с современной интерпретацией прав человека. Широкая трактовка личной неприкосновенности как одного из основополагающих прав человека позволяет выделить в ее структуре духовную неприкосновенность. Термин «духовная неприкосновенность» имеет давнее применение [43, с. 79, 80]

и получил убедительное обоснование в концепции личной неприкосновенности, разработанной А. А. Опалевой [44]. К духовной неприкосновенности личности относятся, прежде всего, ее психическая и нравственная неприкосновенность, а также неприкосновенность других духовных ценностей (свободы совести, свободы слова и т.п.). К сфере, подлежащей защите в рамках концепции духовной неприкосновенности, могут быть отнесены религиозные чувства верующих.

Духовная неприкосновенность верующих людей — наименее защищенная современным правом прав человека свобода от унижения человеческого достоинства. В светских государствах церковь отделена от государственной системы, но не исключена из общества, не является его изгоем. Свобода распространения своих убеждений принадлежит не только атеистам, но и верующим. То обстоятельство, что государство «отделено от церкви» не исключает его обязанности защищать право на распространение убеждений не только атеистами, но и верующими людьми. Принципиально ошибочен весьма распространенный подход, согласно которому «свобода слова» «принадлежит» критикам веры, а свобода совести — людям религиозным. Каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, и каждый имеет право на свободу слова — право выражать свои убеждения — как теистические, так и атеистические. Однако нельзя не учитывать, что религиозное мировоззрение предполагает наличие у человека не только рациональных убеждений, но и над рациональных, религиозных чувств. Государство обязано защищать от нападков и не допускать ущемления права на свободу совести как в сфере рациональной, так и в сфере религиозных чувств — прежде всего, проявляемых в любви к Богу. Любовь к Богу не несет и не может нести в себе никакой опасности для людей неверующих, но она чрезвычайно важна для верующего человека, в силу чего посягательства на эту сверхценность, проявляемые в неуважительном, оскорбительном виде, наносят глубокую моральную травму приверженцам веры и может вызвать с их стороны чрезвычайно резкую реакцию. Именно на предупреждение этой реакции, сформулированной как «религиозная ненависть», а не на недопущение нарушений прав верующего человека, направлена, в первую очередь, пришедшая на смену «борьбы с диффамацией религий», правовая концепция. Признавая важность такого подхода, нельзя не признать и его неполноту. Без уважения прав человека, в том числе его духовной неприкосновенности, невозможны мир и социальная гармония.

Л и т е р а т у р а

1. Красиков П. Пролетарская и буржуазная совесть / П. Красиков // Революция и церковь. — 1920. — № 9–12. — С. 1.
2. Персин М. Великая Октябрьская Социалистическая революция и создание условий для распространения атеизма в массах / М. Персин // Вопросы научного атеизма. —

- М., 1967. — Вып. 4: Победы научно-атеистического мировоззрения в СССР за 50 лет. — С. 19.
3. Плаксин П. Крах церковной контрреволюции 1917—1923 гг. / П. Плаксин. — М.: Наука, 1968.
 4. Гуайта Дж. Сопrotивление верующих на примерах Павла Флоренского и Александра Меня [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://damian.ru/Serkov_i_sovremennost/guaita/resistance.html.
 5. Шапов Я. Н. Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917—1941. Документы и фотоматериалы / Я. Н. Шапов. — М.: Изд-во Библейско-Богословского ин-та св. апостола Андрея, 1996.
 6. Игумен Дамаскин (Орловский). Гонения на русскую православную церковь в советский период [Электронный ресурс] // Источник: ЦНЦ «Православная Энциклопедия». — Режим доступа: <http://ezh.sedmitza.ru/index.html?did=513>.
 7. 22.02.2009 Мученики и исповедники Российские в контексте изучения архивно-следственных дел 1920-х — 1930-х годов [Электронный ресурс] // Оптинский альманах. — 2009. — Вып. 3. — Режим доступа: http://www.fond.ru/index.php?menu_id=374&menu_parent_id=358&show_date=1&category_id=14&article_page_content=0&show_preview_img=0&show_file_list=0&flag=ajax&page=1®ime=site&content_id=113.
 8. Бутово. Русская Голгофа. Бутовский полигон [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.martyr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=176&Itemid=2
 9. Яковлев А. Н. По мощам и елей / А. Н. Яковлев. — М., 1995.
 10. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева Н. С. XX съезду КПСС // Реабилитация/ Политические процессы 30-50-х годов / под общ. ред. А. Н. Яковлева. — М., 1991. — С. 24—25, 30.
 11. Зелинская Н. А. Политические преступления в системе международной преступности / Н. А. Зелинская. — О.: ФЕНІКС, 2003.
 12. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах) / М. В. Шкаровский. — М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999.
 13. Постановление ЦК КПСС о крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. — М., 1985. — Т. 8. — С. 428—432.
 14. Цыпин В., протоиерей. История Русской церкви. 1917—1997 [Электронный ресурс] / В. Цыпин. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — Режим доступа: <http://krotov.info/history/20/tsypin/tsyp08.html>.
 15. Рассел Б. Сущность религии [Электронный ресурс] // Почему я не христианин. Избранные атеистические произведения / Б. Рассел. — М.: Политиздат, 1987. — Режим доступа: <http://www.aquarun.ru/psih/relig/relig3.html/>
 16. Berger P. L. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / P. L. Berger. — Washington, DC: Ethic and Public Policy Center, 1999.
 17. Toft M. D. God's Century: Resurgent Religion and Global Politics / M. D. Toft, D. Philpott, T. S. Shah. — W. W. Norton & Company 2011.
 18. Минченко Т. П. Проблема свободы совести в эпоху постсекулярности: истоки и перспективы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Т. П. Минченко. — Томск, 2011.
 19. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2003.
 20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимева, Ю. Новикова. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
 21. Кырлежев А. Взаимоотношение концепции прав человека и религиозных ценностей диалога [Электронный ресурс] / А. Кырлежев // Ежедневный Журнал. — 2006. — 14 нояб. — Режим доступа: <http://www.ej.ru/experts/entry/5347>

22. Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовам времени : пер. с нем. / *Й. Ратцингер*. — М. : Библиейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2007. — (Серия «Современное богословие»).
23. UN Doc. E/CN.4/2000/65. — Para. 125.
24. Святейший Патриарх Кирилл: «Православным нужно научиться с достоинством отстаивать свои гражданские права и защищать свои религиозные чувства». Официальный портал Московской Патриархии. Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси. 12 октября 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/2523283.html>
25. Представитель Московского Патриархата в Совете Европы игумен Филипп (Рябых): Нарастает вмешательство в мир верующих 12 октября 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/2523247.html>.
26. Проект документа «Отношение Русской Православной Церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в отношении Церкви» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/1343168.html>
27. Resolutions on «Combating Defamation of Religions»: Commission on Human Rights resolution 1999/23 — UN Doc. E/CN.4/1999/167 (22 March — 30 April 1999); E/CN.4/RES/2000/84 (26 April 2000); E/CN.4/RES/2001/4 (18 April 2001); E/CN.4/RES/2002/9 (15 April 2002); E/CN.4/RES/2003/4 (14 April 2003); E/CN.4/RES/2004/6 (13 April 2004); E/CN.4/RES/2005/3 (12 April 2005); General Assembly resolution 60/150 — UN Doc. A/RES/60/150 (20 January 2006); Human Rights Council decision 1/107 — UN Doc. A/HRC/DEC/1/107 (30 June 2006); General Assembly resolution 61/164 — UN Doc. A/RES/61/164 (21 February 2007); Human Rights Council resolution 4/9 — UN Doc. A/HRC/RES/4/9 (30 March 2007); General Assembly resolution 62/154 — UN Doc. A/RES/62/154 (6 March 2008); Human Rights Council resolution 7/19 — UN Doc. A/HRC/RES/7/19 (27 March 2008); General Assembly resolution 63/171 — UN Doc. A/RES/63/171 (24 March 2009); Human Rights Council resolution 10/22 — UN Doc. A/HRC/RES/10/22 (26 March 2009); General Assembly resolution 64/156 — UN Doc. A/RES/64/156 (8 March 2010); General Assembly resolution 65/224 — UN Doc. A/RES/65/224 (11 April 2011); General Assembly resolution 16/18 — UN Doc. A/HRC/RES/16/18 (12 April 2011).
28. UN Doc. A/HRC/9/25. — Paras. 7–9.
29. UN Doc. A/HRC/13/57.
30. Ferrari S. Law and Religion in the 21st Century: Relations Between States and Religious Communities / *S. Ferrari, R. Cristofori*. — Burlington : Ashgate Publishing, Ltd., 2010.
31. Temperman J. State-religion relationships and human rights law: towards a right to religiously neutral governance / *J. Temperman*. — Leiden ; Boston, Mass : Martinus Nijhoff Publishers, 2010.
32. UN Doc. A/HRC/9/12.
33. UN Doc. A/HRC/10/31/ADD.3.
34. UN Doc. A/HRC/12/38. — Paras. 33–36.
35. Комитет по правам человека. Сто вторая сессия. Женева, 11–29 июля 2011 года. Замечание общего порядка № 34. Статья 19: Свобода мнений и их выражения. — UN Doc. CCRP/C/GC/34. — П. 48.
36. Бердяев Н. А. Смысл творчества // *Философия свободы. Смысл творчества / Н. Бердяев*. — М. : Правда, 1989. — С. 186–187.
37. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека 26 июня 2008 г. П. 2, 3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>
38. Святейший Патриарх Кирилл: «Православным нужно научиться с достоинством отстаивать свои гражданские права и защищать свои религиозные чувства». Официальный портал Московской Патриархии. Пресс-служба Патриарха Московского и

- всёя Руси. 12 октября 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2523283.html>
39. Познышев С. В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы / С. В. Познышев. — М.: Университет. тип., 1906.
40. Старков О. В. Криминология: религиозная преступность / О. В. Старков, Л. Д. Башкатов. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
41. Рабинович П. М. Свобода віровизнання та проблеми її державного забезпечення в Україні / П. М. Рабинович // Права людини в Україні: інформ.-аналіт. бюл. Українсько-Американського Бюро захисту прав людини. — К.; Х., 1996. — Вип. 15. — С. 43.
42. Рабинович П. М. Свобода віровизнання: філософсько-правові та державно-юридичні аспекти / П. М. Рабинович // Вісник Академії правових наук України. — 2001. — № 2. — С. 108.
43. Рудинский Ф. М. Личность и социалистическая законность / Ф. М. Рудинский. — Волгоград, 1976.
44. Опалева А. А. Институт личной неприкосновенности. (Теоретико-правовые проблемы): монография / А. А. Опалева. — М.: Акад. управления МВД России, 2008.

А н н о т а ц и я

Зелинская Н. А. Свобода совести и совесть свободы: к вопросу о диффамации религий и защите религиозных чувств верующих. — Стаття.

В статье рассматриваются актуальные проблемы реализации права на свободу мысли, совести и религии; анализируются международно-правовое значение содержащейся в документах ООН социологической концепции «диффамации религий» и обоснование перехода от нее к правовой норме, запрещающей подстрекательство к религиозной ненависти.

Ключевые слова: религия, право на свободу мысли, совести и религии, подстрекательство к религиозной ненависти, защита религиозных чувств.

А н о т а ц і я

Зелінська Н. А. Свобода совісті та совість свободи: до питання про дифамацію релігій і захисту релігійних почуттів віруючих. — Стаття.

У статті розглядаються актуальні проблеми реалізації права на свободу думки, совісті та релігії; аналізуються міжнародно-правове значення соціологічної концепції «дифамації релігій», що міститься в документах ООН, і обґрунтування переходу від неї до правової норми, що забороняє підбурювання до релігійної ненависті.

Ключові слова: релігія, право на свободу думки, совісті та релігії, підбурювання до релігійної ненависті, захист релігійних почуттів.

S u m m a r y

Zelinskaya N. A. The freedom of conscience and the conscience of freedom: to the point of defamation of religions and the protection of religious feelings of believers. — Article.

The actual problems of realization of the right to freedom of thought, conscience and religion are approached in the article. The international legal meaning of the sociological concept of “defamation of religions» developed in the United Nations documents is analyzed along with the justification of transition from it to a legal norm prohibiting incitement to religious hatred.

Keywords: religion, right to freedom of thought, conscience and religion, incitement to religious hatred, protection of religious feelings.